

К И Р И Л Л
Патриарх Московский
и всея Руси

Собрание трудов

Серия III

БОГОСЛОВИЕ
И ДУХОВНОЕ
ПРОСВЕЩЕНИЕ

Том 2

(1976–2014)

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
МОСКВА • 2015

УДК 252
ББК 86 372
К431

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ПЕТЕРБУРГСКАЯ – ПЕТРОГРАДСКАЯ – ЛЕНИНГРАДСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ И РУССКИЕ БИБЛЕЙСКИЕ ПЕРЕВОДЫ¹

1976

Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам (Мф. 28, 19–20), – так сказал воскресший Христос Спаситель Своим ученикам-апостолам, а в день Пятидесятницы ниспослал на них Духа Святого, сподобившего апостолов чудесного и необходимого для успешного осуществления ими этой миссии – быть свидетелями Господа Иисуса даже до края земли (Деян. 1, 8) – дара языков (Деян. 2, 4). Облеченные силою свыше и получившие дар языков, апостолы пошли и проповедовали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знаменьями (Мк. 16, 20).

Вслед за апостолами проповедание Евангелия продолжали проповедники-миссионеры, многие из которых сами переводили Священное Писание на языки просвещаемых ими народов. Выдающееся место среди них занимают святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, славянские первоучители. Согласно традиции святой Кирилл перевел для жителей Моравии богослужebные книги, среди которых были и богослужebные Евангелие, Апостол, Псалтирь и Паримийник. Трудам святого Мефодия традиция приписывает первые «четьи» (то есть предназначенные для внебогослужebного употребления) славянские библейские переводы. Новейшие данные о том, что до святых Кирилла

КИРИЛЛ, Патриарх Московский и всея Руси

К431 БОГОСЛОВИЕ И ДУХОВНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ. Собрание трудов. Серия III. Том 2. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2015. – 576 с.

ISBN 978-5-88017-447-8 (общ.)
ISBN 978-5-88017-501-7

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2015

¹ Первоначальный вариант статьи был в виде доклада оглашен на Филаретовском вечере МДА 14.12.1976.

и Мефодия уже существовала традиция библейских переводов на славянский язык, ничуть не преуменьшают величия миссионерского подвига равноапостольных братьев.

Кирилло-мефодиевские библейские переводы постепенно распространились вместе с христианством среди всех славян: южных, восточных, западных, — однако не в своей изначальной форме, а подвергаясь в той или иной степени влиянию живых славянских языков. В частности, влиянию живого языка подверглись кирилло-мефодиевские библейские переводы в Древней Руси.

Однако изменению подвергалась не только языковая форма кирилло-мефодиевских переводов, но и сам их текст — как из-за попыток сделать эти переводы более понятными, так и в результате различных исправлений их по более поздним греческим библейским текстам.

Помимо этого уже с XIV века на Руси начинают появляться новые библейские переводы, в той или иной степени ориентирующиеся на живой язык. Первым в этом ряду стоит перевод Нового Завета, выполненный, согласно традиции, митрополитом Алексием (1332–1372). Далее можно упомянуть переводы библейских книг, выполненные Франциском Скориной (большая часть переводов Скорины была напечатана в Праге в 1517–1620 годах); перевод Псалтири, выполненный Максимом Греком († 1556)¹; перевод Псалтири, выполненный в 1663 году А. П. Фирсовым; перевод Нового Завета, выполненный в конце XVII — начале XVIII века в Прибалтике лютеранином пастором Глюком; перевод Псалтири, выполненный Амвросием Зертис-Каменским († 1771); перевод Нового Завета, выполненный святым Тихоном Задонским († 1783); перевод Послания к Римлянам, выполненный архимандритом Мефодием Смирновым (1761–1815).

Таким образом, полный русский библейский перевод (к подготовке которого было решено приступить в 1816 году) имел исторические прецеденты. Поэтому совершенно неверно связывать идею создания полного русского библейского перевода исключительно с деятельностью Российского Библейского общества, созданного по инициативе иностранцев иных конфессий и возглавленного князем А. Н. Голицыным — человеком, известным своей религиозной неустойчивостью.

¹ Канонизирован в 1988 г.

Честь начать осуществление первого полного русского библейского перевода была возложена Святейшим Синодом при посредстве Комиссии Духовных училищ на Петербургскую духовную академию. Поручая 16 марта 1816 года это дело Петербургской духовной академии, Комиссия сообщила Академии также девятнадцать выработанных ею правил, согласно которым подготавливаемый перевод должен был быть точным, ясным, чистым и не перегруженным славянскими словами и выражениями.

Руководителем работы над переводом стал ректор Академии архимандрит Филарет (Дроздов), впоследствии митрополит Московский¹. Сам архимандрит Филарет готовил перевод Евангелия от Иоанна, книги Бытия и Псалтири. Над переводами других книг трудились бакалавры Академии священник Г. П. Павский, архимандрит Моисей (Богданов-Платонов), Григорий Постников (впоследствии митрополит Петербургский), Кирилл Богословский-Платонов и инспектор Петербургской духовной семинарии архимандрит Поликарп (Гойтанников). С 1820 года на помощь Петербургской академии были приглашены другие русские духовные академии: Московская и Киевская.

Работа по переводу была проведена очень быстро: в 1819 году было издано славяно-русское Четвероевангелие с предуведомлением, подписанным православными иерархами — митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Михаилом, митрополитом Московским и Коломенским Серафимом и архиепископом Тверским и Кашинским Филаретом; в 1821 году вышел в свет полный славяно-русский Новый Завет (отдельно на русском языке Новый Завет был издан впервые в 1824 году); в 1822 году была издана русская Псалтирь; в 1825 — напечатано русское Восьмикнижие (Пятикнижие Моисеево, книги Иисуса Навина, Судей и Руфи), не выпущенное, однако, в силу обстоятельств в обращение сразу же после напечатания.

Все названные русские библейские переводы обычно ассоциируются с Российским Библейским Обществом, в состав которого входили лица самых различных вероисповеданий (протестанты, католики, православные). Эта ассоциация нередко препятствует правильной оценке работы по переводу Библии, проводившейся в России в первой четверти XIX века. Поэтому необходимо специально подчеркнуть, что

¹ Канонизирован в 1994 г.

Российское Библейское Общество как таковое Священного Писания на русский язык не переводило. Общество лишь создало при себе редакционный комитет, рассматривавший русский перевод Библии, причем инославных в этом комитете не было. Издавались русские библейские переводы 1810–1820-х годов «благословением Синода». Необходимо также учесть, что это был первый опыт перевода всей Библии на русский язык и результаты этого первого и к тому же незавершенного опыта не могли, естественно, не иметь некоторых недостатков.

С 1824 года влиятельные в тогдашней России лица начинают выступать против Российского Библейского Общества и вместе с тем против русского библейского перевода. Среди этих лиц особо следует отметить небезызвестного Президента Российской Академии А. С. Шишкова, являвшегося главным вдохновителем программы сохранения в русской литературе ведущей роли за церковнославянским языком, а также церковных деятелей: митрополита Новгородского и Петербургского Серафима, митрополита Киевского Евгения (Болховитинова) и архимандрита Фотия (Спасского). В результате выступлений против него Российское Библейское Общество в 1826 году было закрыто, а вместе с тем приостановилась и работа над русским переводом Библии.

В годы правления Николая I дело русского библейского перевода имело такого сильного противника, как обер-прокурор Синода Н. А. Протасов, который даже предлагал узаконить синодальным решением исключительное употребление славянской Библии в Церкви, в школе и дома. Поэтому за тридцать лет царствования Николая I в России могли появиться лишь частные библейские переводы, выполненные глубоко осознававшими необходимость в полной русской Библии двумя выдающимися выпускниками Петербургской духовной академии — протоиереем Г. П. Павским и архимандритом Макарием (Глухаревым)¹. Первый перевел ряд ветхозаветных книг совершенно самостоятельно; второй переводил ветхозаветные книги, пользуясь переводами Г. П. Павского. Их переводы многими были встречены недоброжелательно. Г. П. Павского обвиняли в чрезмерном рационализме и антимиессианском толковании ветхозаветных пророчеств; архимандрит Макарий был подвергнут епитимии за настойчивые попытки убедить самого императора в необходимости продолжить перевод Библии на русский язык.

¹ Канонизирован в 2000 г.

Особенностью переводов протоиерея Г. П. Павского и архимандрита Макария является то, что они были сделаны лишь с одного масоретского текста, то есть имели — в отличие от русского Восьмикинижия, напечатанного в 1825 году (при создании которого использовались и масоретский текст, и Септуагинта), — единую текстуальную базу. Переводы этих двух выдающихся русских библейских переводчиков были опубликованы, несмотря на всю их важность, лишь спустя несколько десятилетий, когда их создатели уже скончались.

Официально вопрос о продолжении работы над русским переводом Библии был поднят лишь в 1856 году. Заслуга в этом принадлежит митрополиту Московскому Филарету. На состоявшемся в Москве 10 сентября 1856 года заседании Синода по этому вопросу было принято положительное решение, которое члены Синода поручили окончательно сформулировать тому же митрополиту Филарету. Однако когда тот представил подготовленный текст синодального определения обер-прокурору Синода А. П. Толстому, последний направил этот текст не как официальный документ, а как простую записку митрополиту Киевскому Филарету (Амфитеатрову)¹, который являлся решительным противником русского библейского перевода. А. П. Толстой информировал митрополита Московского лишь о самом факте отсылки подготовленного последним текста митрополиту Киевскому, но о том, в каком качестве этот текст был отослан, стало известно лишь после того, как митрополит Киевский дал на него свой отрицательный отзыв.

Митрополит Киевский, высказываясь по поводу присланного ему текста как по поводу простой «записки», заявил о том, что русский язык не может передать смысл Священного Писания так точно, как его передает славянский язык, и что необходимости в русском переводе Библии нет, а достаточно лишь заменить в славянском библейском переводе отдельные неясные слова и выражения. Одним из самых важных аргументов Киевского митрополита против продолжения работы над русским библейским переводом было то, что внедрение русского перевода Библии даже лишь в частную жизнь русских православных якобы может постепенно привести к забвению славянского языка и к тому, что славянское богослужение станет непонятным.

¹ Канонизирован в 2008 г.

Хотя митрополит Московский Филарет искренне любил своего киевского собрата, он — из уважения к истине — все же не мог не вступить в дискуссию с последним. Митрополит Филарет Московский не мог во всем согласиться с точкой зрения митрополита Киевского. Он указывал на богатство русского языка, на то, что замена отдельных слов и выражений в славянском библейском тексте нарушит языковое единство последнего, и, наконец, на то, что внедрение русского перевода Библии в частную жизнь русских православных будет вестись при сохранении славянского богослужения. В 1858 году после тщательного обсуждения в Синоде мнений двух маститых иерархов было принято окончательное решение о возобновлении работы по русскому переводу Библии. Таким образом, в Русской Православной Церкви во второй раз началась работа по созданию полного русского библейского перевода.

В работе над новозаветной частью русской Библии принимали участие все четыре тогдашних русских духовных академии: Петербургская, Московская, Киевская и Казанская. Что же касается ветхозаветной части русской Библии, то в ее основу был положен перевод Ветхого Завета, выполненный в Петербургской духовной академии и просмотренный в других духовных академиях. Созданный в итоге полный русский библейский перевод (получивший название синодального ввиду того, что редактирование его шло не только в духовных академиях, но и в Святейшем Синоде, и ввиду того, что Синод благословлял его издание) начал выходить в 1860 году, когда была опубликована его первая часть — Четвероевангелие. В 1868 году началось издание ветхозаветной части синодального перевода. Закончено издание синодального перевода в виде отдельных выпусков было в 1875 году, а на титульном листе первого издания всего синодального перевода в виде одного тома стоял год 1876-й.

Следует особо остановиться на некоторых принципиальных сторонах работы над синодальным переводом, в частности, на ее организационной стороне. Уже первое решение Святейшего Синода о возобновлении работы над русским библейским переводом (принятое 10 сентября 1856 года, но вследствие шага, предпринятого противником перевода обер-прокурором Синода А. П. Толстым, надлежащим образом не оформленное) включало развернутое мнение о необходимости подготовки и публикации предварительных библейских переводов. Так, в части этого решения, касающейся пророческих книг, сказано:

«Полезным признается... не издавать оные вдруг, но чтобы, по сделании русского перевода одной книги и по дополнении оного краткими объяснениями... на первый раз напечатать оный в одном из периодических изданий духовного ведомства, чрез что откроется удобность усматривать суждения об оном и пользоваться ими для усовершения перевода, прежде вступления оного в полный состав священных книг. Такой ход дела... будет осторожен, сколько же при помощи Божией будет благодетен».

Подобная практика была полностью осуществлена при переводе Ветхого Завета. Были опубликованы как переводы протоиерея Г. П. Павского и архимандрита Макария, так и новые переводы, выполненные в России, начиная с конца 1850-х годов. При этом ряд ветхозаветных книг был опубликован даже не в одном, а в двух пробных русских переводах. Но в отношении перевода Нового Завета такого сделано не было. Причиной здесь был, очевидно, момент личного характера. Митрополит Филарет (Дроздов), инициатор возобновления переводческой работы в 1850-е годы, предложил в качестве основы новозаветной части возобновляемого перевода взять перевод Нового Завета, опубликованный в 1819–1821 годах, который был во многом обязан его собственным трудам.

Следующей особенностью организации работ по созданию синодального перевода было полное исключение анонимности переводчиков. Даже в случае пересмотра старого перевода (что имело место с Новым Заветом) Святейший Синод в своем определении от 19 мая 1858 года специально требовал, «чтобы пересмотренный перевод представляли в Св. Синод... причем показывалось бы и то, кто именно занимался переводом». Тем более исключалась анонимность при публикации пробных переводов Ветхого Завета.

Подобного рода организация переводческой работы позволила Святейшему Синоду издавать полный русский библейский перевод, имеющий указание «По благословию Святейшего Синода», имея в своем распоряжении большое количество опубликованных предварительных переводов и разборов последних. Гласность и доступность для критики всеми любого этапа работы по созданию синодального перевода были одними из наиболее важных моментов в истории русского библейского текста и в истории русской библейской богословско-переводческой мысли.

Однако в организационной и методической сторонах работы по созданию синодального перевода есть и отрицательный момент. Так, в процессе этой работы не было выполнено содержащееся в синодальном определении от 19 мая 1858 года требование учитывать различные редакции греческого новозаветного текста, обращая особое внимание на их сходство или различие со славянским текстом, и публиковать варианты новозаветного текста в виде подстрочных примечаний. Крайне усложнял сохранение языкового единства в создаваемом переводе ограниченный, сословный подход к понятию «русский язык». Синодальное определение от 19 мая 1858 года требовало, «чтоб слова и выражения при переводе употреблялись всегда общепонятные, но употребляющиеся в высшем обществе, а отнюдь не простонародные», хотя употребление слов «в высшем обществе» отнюдь не означало, что они принадлежат к образцовому русскому языку, даже если они «общепонятны».

И все же так называемый синодальный перевод является, вне всякого сомнения, весьма важным церковным памятником. Прямо или косвенно в его создании принимали участие такие выдающиеся представители Русской Православной Церкви, как митрополит Московский Филарет, митрополиты Новгородские и Петербургские Григорий (Постников) и Исидор (Никольский), такие крупные отечественные ученые, как П. И. Савваитов, Е. И. Ловягин, Д. А. Хвольсон. В синодальный период этот перевод выдержал много изданий. Святейшие Патриархи Тихон, Алексий и Пимен благословляли дальнейшие переиздания этого перевода — или целиком, или его новозаветной части и Псалтири.

Синодальный перевод был, несомненно, ответом на настоятельную потребность XIX века, когда развитие русского языка так далеко увело его от славянского, что верующие начали испытывать затруднения в понимании славянской Библии. Как и во времена равноапостольных Кирилла и Мефодия, в XIX веке Русская Православная Церковь с материнской любовью откликнулась на духовную жажду приобщения к Божественным глаголам Священного Писания и постаралась дать своим чадам Священное Писание на более понятном им языке, осуществляя тем самым одно из важнейших своих служений.

В свете того значения, которое синодальный перевод имеет как памятник истории Русской Православной Церкви, парадоксальной является его крайне слабая изученность. Так, невыясненными являются

отношение его новозаветной части к переводу Нового Завета, опубликованному в 1819–1821 годах, и те принципы, которыми в конце 1850 — начале 1860-х годов руководствовались при пересмотре последнего. Совершенно не выяснено отношение синодального перевода к различным редакциям славянского и греческого библейского текста.

Наряду с этим следует иметь в виду, что еще до того, как синодальный перевод был завершен, русские богословы указывали на некоторые его принципиальные недостатки. Так, отмечалось отсутствие редакционного единства в его ветхозаветной части. В отличие от ветхозаветных переводов протоиерея Г. П. Павского и архимандрита Макария (Глухарева), а также от позднейших переводов — Псалтири, выполненного епископом Порфирием (Успенским), и ряда ветхозаветных книг, выполненных П. А. Юнгером, — которые имели совершенно ясную текстуальную базу, ветхозаветная часть синодального перевода такой базы лишена. Дело в том, что в принципиально совершенно правильном стремлении сохранить для русских православных ту фиксацию ветхозаветного откровения, которая отражена в Септуагинте, и вместе с тем, исходя из масоретского текста как из основного, создатели синодального перевода не сумели избежать текстологически недопустимого смешения греческого и еврейского текстов. При рассмотрении синодального перевода русскими богословами XIX — начала XX веков указывалось и на прямые ошибки в нем, и на его чисто языковые недостатки.

Сегодня, как и всегда, люди испытывают сильную жажду в слышании Слова Божия. Русская Православная Церковь должна и ныне прилагать все усилия, чтобы так же достойно, как и в прошлом, выполнять благовестническую миссию. Но сейчас ситуация значительно изменилась по сравнению с той, которая имела место в то время, когда создавался синодальный перевод.

Прежде всего со времени публикации синодального перевода значительно изменился русский язык. Археологические открытия на Ближнем Востоке помогли гораздо глубже понять содержание библейских повествований. В распоряжении тех, кто сейчас изучает Священное Писание, имеется неизмеримо большее число библейских рукописей, чем было в распоряжении исследователей Библии, работавших в XIX веке.

После завершения синодального перевода произошел переворот в представлениях о новозаветном греческом языке и появилась новая

наука — теория библейского перевода. В связи с активизацией текстологической и переводческой работы у христиан Центральной и Юго-восточной Европы в XX веке возникли расхождения в библейском тексте между Русской Православной Церковью и другими Православными Церквями. Вследствие громадного размаха библейской работы среди западных христиан расхождения в библейском тексте возникли также между Русской Православной Церковью и инославием. И, наконец, со второй половины 1940-х годов синодальный перевод практически полностью заменил славянский текст в качестве цитируемого библейского текста в богословских исследованиях, проводимых русскими православными богословами. Все это порождает ряд очень важных касающихся русской Библии проблем, выходящих далеко за пределы того круга вопросов, с которым имели дело русские богословы в XIX веке.

Эти новые проблемы в основном уже были поставлены Русской Библейской комиссией, созданной в 1915 году при Петроградской духовной академии по указу Святейшего Синода, и фактическим руководителем этой Комиссии, выдающимся русским библейским текстологом, профессором Петроградской духовной академии И. Е. Евсеевым. Итоги деятельности Комиссии — это та база, на которую с уверенностью можно будет опираться при создании нового, научно и богословски обоснованного русского библейского перевода, который мог бы занять достойное место среди других таких переводов и прежде всего оказаться достойным преемником кирилло-мефодиевских славянских библейских переводов.

При работе по созданию такого перевода необходимо будет также учитывать все те имеющие общехристианское значение достижения, которыми так богаты западная библейская текстология и западная теория библейского перевода. Но эти достижения должны использоваться прежде всего для решения сугубо специфических проблем, стоящих перед русской православной наукой о Библии.

В Ленинградской духовной академии — преемнице Петербургской, Петроградской духовной академии — в 1966 году, в дни, когда отмечалось 150-летие со времени начала работы над первым полным русским библейским переводом, была создана рабочая группа для систематической разработки проблем греческой и славяно-русской библейской текстологии. Главное внимание эта рабочая группа уделяла оценке

значимости для славянского и русского Православия той греческой новозаветной текстуальной традиции, которую принято называть «Текстус Рецептус», причем для такой оценки решающими были сочтены данные о характере древнейших славянских библейских переводов, связанных с именами святых славянских первоучителей Кирилла и Мефодия. Результаты, полученные в процессе начатой в 1966 году работы, частично были опубликованы в «Журнале Московской Патриархии» и «Богословских трудах»¹.

В 1975 году, к 100-летию завершения работы над синодальным переводом, в Ленинградской духовной академии по благословению митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима² была создана Библиестическая группа, поставившая своей задачей разработку актуальных для Русской Православной Церкви богословских проблем, связанных с изучением Священного Писания.

Библиестическая группа видит залог успеха своей будущей работы прежде всего в творческом использовании научного наследия, оставленного русскими исследователями Библии, работавшими в конце XIX — начале XX века. На основе методологических принципов, выработанных этими исследователями, и организационных принципов работы над Библией, предложенных Святейшим Синодом в 1850–1860-е годы, и должна сейчас, по мнению группы, возрождаться отечественная библеистика. В области работы над Библией Библиестическая группа считает наиболее актуальными в настоящее время следующие задачи:

1) всестороннее изучение синодального перевода и его правильная оценка как в свете достижений русского православного богословия, так и с точки зрения итогов развития библейской текстологии и изучения библейских языков;

2) подготовка и публикация для широкого обсуждения переводов, носящих научный характер (в публикации и широком обсуждении таких переводов русские богословы прошлого видели наиболее надежный путь к улучшению синодального русского библейского текста);

¹ См.: *Логачев К. И.* О некоторых опытах работы над переводом Нового Завета // Журнал Московской Патриархии. № 1. 1975. С. 76–79; *Он же.* К вопросу об улучшении русского перевода Нового Завета (лексико-фразеологические проблемы русского перевода) // Богословские труды. Вып. 14. С. 160–185, и др.

² Митр. Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов) († 1978).

3) тщательное исследование древнеславянских рукописей, являющихся основными источниками для уяснения кирилло-мефодиевских переводов, в частности, рукописей новгородского происхождения.

Как надеется группа, опора на древнейшие славянские библейские тексты поможет ей во всей ее дальнейшей работе над русским библейским текстом впервые в отечественной библеистике использовать текстуальную традицию, сочетающую в себе высокую авторитетность для Церковью славянской традиции с древностью, значительно превышающей древность тех текстуальных традиций, с которыми связан синодальный перевод (в частности, греческой новозаветной текстуальной традиции, называемой «Текстус Рецептус»). Текстологические исследования, проведенные при Ленинградской духовной академии, дают серьезные основания полагать, что так называемый «Текстус Рецептус» не может представлять для русского Православия некой «абсолютной ценности» (какую приписывали этому виду новозаветного греческого текста отдельные отечественные исследователи прошлого) среди всего прочего потому, что он в ряде моментов расходится с греческим новозаветным текстом, использованным святыми славянскими первоучителями.

В своих трудах Библиеистическая группа Ленинградской духовной академии рассчитывает на активную помощь и братскую поддержку со стороны богословов Московской духовной академии и со стороны всех, кто стремится открыть путь Благой вести о спасении к сердцу и уму каждого человека, всех, кому близки слова молитвы приснопамятного митрополита Московского Филарета, обращенные к Богу Слову, чтобы снизошло на слово русское благословение быть верным Слову Божественному.

ИНТЕРВЬЮ «ВЕСТНИКУ ЛЕНИНГРАДСКИХ ДУХОВНЫХ АКАДЕМИИ И СЕМИНАРИИ»

1.09.1979

— Владыка, не могли бы Вы поделиться своими впечатлениями о сегодняшнем дне?

— Сегодняшний день, на мой взгляд, является очень знаменательным днем в жизни нашей духовной школы. Лично я как ректор в четвертый раз встречаю 1 сентября и должен сказать, что в данном году оно отличается от предыдущих двумя обстоятельствами: первым — печальным, вторым — радостным. Печально то, что среди нас в этот день не было нашего дорогого приснопамятного владыки митрополита Никодима, который так много сил и энергии отдавал духовной школе. В значительной мере успехи Ленинградских духовных школ были обусловлены его вовлечением в то великое дело, которое здесь совершается, его инициативой, его пастырским опытом и мудростью. Но был сегодня и весьма радостный фактор, определивший общую атмосферу дня, — это то обилие студентов, воспитанников и воспитанниц, которые приняли участие в торжествах в связи с началом нового учебного года. Ныне наш актовый зал и наш храм были переполнены как никогда в этот день, и обилие молодежи создавало приподнятую и радостную атмосферу — атмосферу, в которой невольно усиливалось чувство надежды на будущее.

— Владыка, естественно, что наша Церковь живет во времени, и время накладывает отпечаток на те требования, которые предъявляются к духовенству. Что Вы могли бы сказать в свете этого тем людям, которые впервые пришли сейчас учиться к нам?

— Да, действительно, Церковь живет в конкретных исторических условиях изменяющегося мира, но вне зависимости от этих условий она всегда призвана осуществлять свою спасительную миссию. Ее цель — освящение людей, духовное руководство и действенный призыв к осуществлению евангельских идеалов в человеческой жизни. Однако вести за собой людей Церковь может только в том случае, если она открыта и понятна им. Именно поэтому Церковь должна быть всегда современна, то есть своим земным историческим обликом она должна в полной мере соответствовать своему духовному и вневременному

предназначению. Поэтому для Православной Церкви — Церкви священной апостольской традиции — эта современность не означает просто приспособления к меняющимся требованиям времени. Она означает, с одной стороны, творческое хранение и раскрытие апостольской традиции на языке, понятном современникам, с другой — открытость миру, желание и готовность понять современного человека, желание и готовность ответить на те вопросы, которые люди ставят сегодня перед Церковью. Церковь — не археологический музей (сам по себе, может быть, и красивый, и интересный, однако наполненный вещами, которые не имеют практического применения в жизни), но живой, богочеловеческий организм, призванный к конкретному служению в каждое время и в каждом месте.

Поэтому я хотел бы пожелать вновь поступившим студентам и воспитанникам духовных школ приобрести в этих стенах тот духовный опыт и те знания, которые помогут им в полной мере осуществить великое церковное служение в наши дни.

К РЕОРГАНИЗАЦИИ РЕГЕНТСКОГО КЛАССА ПРИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ДУХОВНЫХ АКАДЕМИИ И СЕМИНАРИИ¹

1980

Начало 1979/80 учебного года в Ленинградских духовных академии и семинарии было ознаменовано событием, которое, несомненно, найдет отражение на страницах истории развития этих духовных школ: к регулярным занятиям приступили учащиеся реорганизованного регентского класса.

Чтобы полнее представить важность и необходимость возрождения учебных заведений подобного типа в Русской Православной Церкви, необходимо сказать несколько слов о подготовке регентов в нашей стране, проблемах в области церковно-певческого дела и значении церковного пения в богослужении Русской Православной Церкви в частности.

Пению в христианском богослужении отведено чрезвычайно видное место. В многочисленных произведениях древней гимно-

¹ Журнал Московской Патриархии. 1980. № 5. С. 13–15.

графии — стихирах, тропарях, кондаках и акафистах, положенных на музыку, раскрываются перед молящимися догматы Церкви, в них прославляются величие и благодать Божии, изъясняется значение празднуемого события.

Церковное пение Русской Церкви включает в себя как простые мелодии гласов, так и сложнейшие музыкальные построения. Древнейшие распевы: знаменный, киевский, греческий вошли в сокровищницу русской певческой культуры. Эти распевы вместе с произведениями сравнительно позднего периода, например, произведениями П. Чеснокова, С. Рахманинова, П. Чайковского и других композиторов, создают неповторимый колорит русского богослужения. Музыкальное церковное наследие России органически вошло в состав мирового культурного наследия: мелодии старинных распевов, «Всенощного бдения» С. Рахманинова, «Литургии» П. Чайковского звучат не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Изучению древних распевов и осмогласия посвятили свои труды многие отечественные композиторы и регенты церковных хоров. Среди них — А. Кастальский, С. Смоленский, П. Чесноков, А. Азеев¹ и другие. Однако они не ограничивались лишь только теоретическим их исследованием, но — что более важно — «старались возратить Церкви тот строй богослужебного пения, который искони составлял ее драгоценное достояние», как писал об этом П. И. Чайковский².

Задача же по возвращению и возрождению в православных храмах древнего церковного пения неразрывно связана с проблемой охранения уже существующих в практике богослужения распевов, гласов осмогласия от различного рода искажений, позднейших напластований местных традиций, не всегда отвечающих духу и традиции русского православного богослужения.

В этой связи предпринимались попытки к изменению подобного положения, в частности, были изданы различные обиходы церковного пения: знаменного, Киево-Печерской лавры, Валаамского монастыря, церковнопевческие сборники и другие.

¹ Кастальский А. Д. (1856–1926), композитор, регент Синодального хора, фольклорист, музыковед; Смоленский С. В. (1848–1909), музыковед, палеограф, хоровой дирижер и педагог; Чесноков П. Г. (1877–1944), хоровой дирижер, композитор, профессор Московской консерватории; Азеев Е. С. (1851–1918), композитор, хоровой дирижер, певчий, учитель пения и регент Придворной певческой капеллы.

² Цит. по: Преображенский А. Очерк истории церковного пения в России.

Труды по редактированию и приведению к единообразию церковного пения в России взяли на себя различные хоровые общества, отдельные регенты и композиторы. С этой же целью стали созываться и съезды церковных композиторов, учителей пения и регентов.

Первый такой съезд состоялся в Москве 17–21 июня 1908 года. В списке членов съезда представлены имена многих выдающихся композиторов и регентов, потрудившихся на ниве церковного пения. Это А. Архангельский, А. Ставровский, Е. Витошинский, А. Кастальский, С. Смоленский, А. Никольский, протоиерей Димитрий Аллеманов, А. Карасев¹ и многие другие.

Первый Всероссийский съезд регентов церковных хоров и деятелей церковного пения был весьма внушителен как по количеству (около 200 человек), так и по компетентности в области хорового церковного пения.

В связи с этим представляют большой интерес доклады, сделанные на этом съезде, в которых предельно ясно обрисовывается общая картина состояния церковного пения в России в конце XIX века вообще и подготовки кадров регентов в частности².

В указанном источнике содержатся высказывания А. Никольского, который говорил о трудностях, имевших место при создании певческих и регентских школ в России на рубеже двух веков. Он отмечал, что вопрос образования регентов имел особую важность ввиду почти **полного отсутствия** в России таких музыкально-педагогических учреждений, где регент мог бы подготовиться к своему делу. Консерватория и вообще музыкальные школы в своих программах совершенно обходили церковно-певческий вопрос, готовили из обучавшихся музыке разных специалистов, но только не регентов.

¹ Архангельский А. А. (1846–1924), хоровой дирижер, композитор, педагог; Ставровский А. Е. (1848–1921), регент Успенского кафедрального собора г. Владимира, в течение 50 лет руководивший архиерейским хором собора; Витошинский Е. М. (1869–1929), церковно-певческий деятель, публицист, этнограф, духовный композитор; Никольский А. В. (1874–1943), музыкальный писатель, духовный композитор и педагог; прот. Димитрий Аллеманов (1867–1928), композитор, исследователь церковного пения, педагог; Карасев А. Н. (1854–1914), музыкальный педагог, автор ряда пособий по методике преподавания хорового пения.

² См.: Труды Первого Всероссийского съезда регентов церковных хоров и деятелей по церковному пению. 17–21 июня 1908 года. М.: Изд. Общества взаимопомощи регентов церковных хоров, 1908.

Регентские классы Придворной певческой капеллы, — продолжал А. Никольский, — в течение почти целого столетия питавшие церковные хоры, обучая руководителей для них, по непонятным причинам с 1907 года были закрыты.

Московское Синодальное училище церковного пения обучало лишь бывших певчих мальчиков своего хора, выпуская ежегодно не более пяти регентов; и хотя по уставу оно имело право принимать вольнослушателей, но по разным причинам было не в силах организовать такой процесс обучения.

Частная инициатива по устройству регентских курсов обыкновенно встречала большое затруднение в материальной стороне дела и проявлялась в масштабах, далеких от удовлетворения существовавших потребностей в полном объеме.

Краткосрочные курсы, устраивавшиеся то там, то сям, были лишены по той же причине возможности поставить дело шире, чем того требовали скромные задачи сельских и, пожалуй, небольших городских хоров.

Словом, **учиться регенту было негде**; по крайней мере, негде было готовиться к своей профессии по программе, целиком соответствовавшей всем особенностям церковно-певческого дела.

Воспользоваться же теми учреждениями, — отмечал также А. Никольский, — которые давали общее музыкальное образование, а также тем немногим, что по части регентского дела существовало в то время у нас в России, подавляющее большинство регентов не могли — или по невероятной дальности расстояний, или по дороговизне жизни в больших городах, или же, наконец, в силу материальной необеспеченности вообще¹.

Поэтому Первый съезд регентов принял следующую резолюцию: «...После обмена мнений по вопросу о средствах к подъему научно-музыкальных знаний как в среде деятелей по теоретическим вопросам церковной музыки, так и в рядах практических работников церковного клироса, [съезд] пришел к заключению, что только учреждение специальных училищ как рассадника музыкальных знаний по всем вопросам церковного пения может быть признано надежным средством в решении этого вопроса»².

¹ Там же. С. 10.

² Там же. С. 75.